

– ПРОЛОГ –

СПАСЕНИЕ У ПРОРУБИ

Северо-западное московское предместье Тушино и соседствовавшие с ним деревни Строгино и Мякинино в конце 1950-х могли показаться слегка фантазмагоричной, достойной платоновского пера территорией. Вроде захолустье захолустьем: непритязательные деревянные домики уживались с первыми пятиэтажными «хрущевками», текли реки Химка и Сходня, куда некоторые местные ходили не только купаться, но и белье стирать. Железнодорожная насыпь индустриальной стрелой разрезала еще вполне пасторальный пейзаж, где в траве перемещались ежики. Бродила своя шпана, граждане беседовали на скамеечках у дощатых заборов-штaketников. Все обыденно, окраинно, предопределенно. Но здесь же витало предчувствие космоса.

Многие «тушинские», еще не имевшие своего централизованного водоснабжения, тем паче магнитофонов и телевизоров, тянулись к новым мирам. Вообще-то, сухо говоря, «работали на оборонку». Но лучше так: они создавали на расположенных в округе заводах детали и двигатели для реактивных самолетов и ракет, готовясь к освоению Вселенной. И в их районе уже формировалась соответствующая топонимика. Например, появился проезд Стратонавтов. А неподалеку — символ и гордость Тушино — аэродром с Чкаловским аэроклубом. Во время праздников там запускали новые авиамодели, а из самолетов выпрыгивали симпатичные парашютистки с разноцветными флажками. Быт тушинцев, как и подавляющей части советских жителей, был скуден и пресен, зато

замыслы — воздушны и безграничны. В 1959 году, когда советская автоматическая межпланетная станция «Луна-3» впервые сфотографировала обратную сторону Луны, а в СССР запустили производство первого массового транзисторного приемника с характерным названием «Атмосфера» (и у советских людей появилась возможность «носить музыку с собой»), морозной декабрьской ночью у проруби в этом «космическом», но мало освещенном Тушино родился и сразу чуть не околел мальчик Игорь Сукачев. Его мама Валентина Елисеевна решила тогда, что пора ей пешком в одиночку (отец Игоря в тот момент трудился в ночную смену) отправляться в роддом. Но дошла только до реки, где и начала рожать. Завершиться все могло безрадостно, кабы «бабке-соседке не приспичило вдруг в два часа ночи пойти за водой». Она и спасла новорожденного.

Такой киношный сюжет не раз пересказывал сам Игорь, добавляя волнительные подробности. Мороз в ту ночь стоял тридцатиградусный, младенец сильно застудился, но выжил, выздоровел. Чудесная, в общем, развязка. И когда-нибудь, возможно, данная история появится в очередном сукачевском фильме, сценарии, спектакле, песне. Он уже примеривался. В 2013-м говорил мне, что собирается снимать кино «Лучшая в мире» — о девочке из сборной по синхронному плаванию. «У нее поначалу не было никаких шансов на яркую судьбу. В детстве она чудом осталась жива. И этот момент пересекается с историей моей жизни.

Обсуждая с соавтором Наташей Павловской идею сценария, я сказал, что хочу в начале фильма рассказать свою историю. То, что я остался жив, — это волшебство. В Интернете, конечно, появится потом масса комментариев, что это туфта, такого в реальности быть не может. Но наша девочка чудом выжила. Как известно, маленькие дети, трехмесячные, умеют плавать. Ее мать погибает, девочка попадает в детский дом. А потом через тернии, преодоление вырастает и становится олимпийской чемпионкой. Драматическая, роковая история».

Фильм пока не состоялся. Может, и не состоится, выйдет что-то другое. Но почерк Игоря Иваныча в данном замысле нагляден и знаком. Любовь к легендам, мифам, сентиментальным до утрирования фантазиям (взять хотя бы песни «Маленькое тигровое колечко», «Барышня и дракон», «Вальс «Москва» или любое его кино, спектакль), поэтизация избранных им героев, событий, времен — это, можно сказать, творческое кредо Сукачева. И оно не вяжется с его внешностью, исполнительской манерой, стереотипными представлениями о нем, как не вяжется Тушино, хоть то, прошлое, хоть нынешнее, с космосом. Также не совпадали и юношеские интересы, характер Гарика со средой, в которой он рос и вполне сходил за своего. Из этого диссонанса, по сути, и нарисовались его судьба, успех, логика поступков. Невысокий, дерзкий тушинский пацан со школьных лет пестовал свой неудобный в советском коллективистском социуме индивидуализм. Как мог, сопротивлялся соб-

ственному отцу (желавшему «сделать из него человека» и классического музыканта), педагогическим догмам, уличным понятиям...

Хотя с улицей расклад сложнее. Пусть Игорь и разучивал гаммы на баяне в музыкальной школе, но домашним одуваном, шугавшимся окриков дворовых пацанов, вовсе не был. Скорее, выглядел одним из их компании, да какое-то время таковым и являлся. Но внутреннего сближения с ними не происходило. «Лет до шестнадцати я находился абсолютно в ячейке своего социального класса. Не то чтобы в кругу «друзей по принуждению». Просто, как и многие, контактил с теми, с кем жил в одном дворе, на одной улице. Но заблуждение называть этих ребят моими друзьями. Детская дружба для меня довольно условное понятие. Я всех своих настоящих друзей приобрел позже».

У Гарика с юностью вообще двойственные отношения. Сейчас, в свои «под шестьдесят», в окружении детей и единственной супруги Ольги, защищенный популярностью и благополучием, он, конечно, оглядывается на 1960–1970-е умиротворенно и, кажется, не без доли нежности. Но тогда для него это был период реальной борьбы и становления. «До семи лет я находился в детском саду на пятидневке и мира вообще не знал. Он казался прекрасным. Да, там, наверное, купировали мою врожденную индивидуальность, но о нас заботились, ухаживали, нас любили. А потом меня выбросили в другой мир, и я испытал шок. Понял, что добра в нем гораздо меньше, чем я ожидал.

Первая же моя классная руководительница оказалась злой старой теткой, чье имя я сейчас и не вспомню. Единственное, кому я навсегда благодарен, это моей учительнице литературы и русского языка Асе Федоровне. Лишь она что-то во мне разглядела, а может, и не разглядела, но восприняла серьезно. А я был достоин такого отношения. Однако все остальные вокруг относились ко мне несерьезно и, соответственно, не понимали».

Взрослый, жесткий мир Сукачева оказался еще и городским — тоже момент немаловажный. К началу его школьной учебы семья получила квартиру и переехала из деревни Мяки-

нино в Южное Тушино, уже вошедшее в состав Москвы, на улицу Лодочная. Впервые зайдя в новое жилище, юный Игорь спросил: «А когда мы поедем домой?» «Это теперь и есть наш дом», — ответил отец. Гарик сильно расстроился и, видимо, тогда окончательно осознал, что детство кончилось. «Было странно. Я привык к определенной среде, обстановке, и вдруг все изменилось. Незнакомый дом, пустые стены...»

- ПЕРВАЯ СЕРИЯ -
В СТОРОНЕ ОТ ОТЦА

То, что не волновало в деревенском детстве, вдруг забеспокоило в школьно-городской среде. Например, собственная фамилия. Она стала как-то смущать Игоря неблагозвучностью и пригодностью для разных не самых гордых прозвищ. Он даже подумывал: не взять ли фамилию матери — Богданова? Но это наверняка задело бы отца. А с ним отношения и так складывались непросто.

«Мама всю жизнь меня очень любила и жалела. А отец... Мы были довольно далеки друг от друга. Я тому виной, конечно. Мой скверный характер, период взросления. Со мной в юности ничего нельзя было сделать. Кажется, в какой-то момент отец просто сдался, отошел в сторону.

Мама работала поваром, а папа — инженером-технологом, представлял, как говорилось, заводскую интеллигенцию. У него были традиционные мотивации советского человека, конкретное видение того, как должна строиться моя судьба».

Папа Гарика, убежденный коммунист, Иван Федорович, не только трудился на заводе «Красный Октябрь», а еще и увлеченно играл на тубе — большом басовом духовом инструменте. Освоил он его в военные годы, когда служил в Литве, и не расставался с ним почти до самой смерти.

В 1993 году туба Ивана Сукачева зазвучала в финальной песне («Вальс «Москва») последнего альбома «Бригады С». Он появился и в клипе на эту композицию. А осенью 1996-го случился другой эпический эпизод — Иван Федорович сыграл вместе с сыном на знаменитом концерте Сукачева

во МХАТе им. Чехова. И потом, в 2004-м, за несколько месяцев до ухода из жизни, подарил Гарику свой инструмент. В начале 1970-х такие моменты смотрелись бы утопично. Тогда Иван Сукачев подступался к сыну, как мог, пытался его «развивать» и наставлять на верный путь, а потом бросил это дело.

Тут опять есть что-то от тушинских контрастов: ветеран войны, верный строитель социализма, держащийся линии партии, заводчанин с окраины, считавшейся, по некоторым мнениям, самой хулиганской в Москве, старался в свободное от работы время возить своего младшего ребенка (у Игоря есть еще старшая сестра Татьяна) в столичные музеи, театры, прививать любовь к чтению и лелеял мечту (видимо, ту, что не реализовал сам), что сын станет «большим академическим музыкантом» и будет солировать в симфоническом оркестре. Гарик по малолетству еще как-то смирялся с каждодневным разучиванием гамм и баянных партий, но постепенно эпоха битников, хиппарей, рок-н-ролла, просочившаяся сквозь «железный занавес» и совершенно чуждая Ивану Федоровичу, принципиально развела отца и сына. Поменялась, скажем так, даже тональность их взаимоотношений: от наставничества и заботы почти к конфронтации.

«Отец предполагал, что после школы я продолжу учебу в Гнесинке или, допустим, в училище им. Октябрьской революции (теперь это музыкальный институт им. Шнитке). Но его надежды я разбил довольно рано, когда оставил баян и взял гитару.

Он решил, что дальше как музыкант я развиваться не буду, а значит, мне нужна нормальная профессия, скажем, инженера-железнодорожника, чтобы получать потом приличную зарплату, делать карьеру, содержать семью и все такое бла-бла-бла...»

В железнодорожный техникум Игорь действительно поступил. Во многом потому, что в своем «первом по преступности» районе (хотя кто только в Москве тогда не считал свой район самым криминальным) к пятнадцатилетнему возрасту обзавелся таким реноме, что в девятый класс ни одной ближайшей школы его не приняли. Так что, с одной стороны, Гарик как бы начал выполнять папин «план Б», но на самом деле разобщился с Иваном Федоровичем конкретно. Иногда в порыве неприятия сыновьего образа жизни Иван Сукачев пытался даже крушить гариковские гитары. В сущности, проявлял ту степень рок-н-рольного отвяза, что позже станет визитной карточкой его сына.

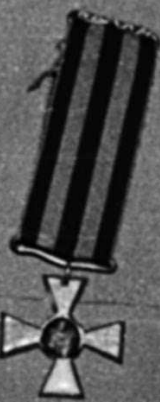
«Мне жаль, что мы с отцом так и не стали близкими людьми. Я понимаю: он любил меня всей душой. И я его тоже. Только, наверное, виду ни разу не показал. А он порой показывал свою любовь ко мне, да я не замечал».

Эпилогом такого сложного притяжения, невысказанности стала семиминутная баллада-эпитафия «Плачь» из последнего альбома «Неприкасаемых» 2005 года, которую Гарик посвятил своему отцу, скончавшемуся годом раньше.

«...По небу киноварь — марь,
По дорожке одуванцы в цвет.
Всё как прежде, только жаль, жаль,
Со вчера тебя теперь нет.
Сказаны слова ли в вечер,
Привечал ли, чаял наши встречи,
Как любил, во что ты верил
свято, —
Никогда уж не узнать мне, папа!
Не пришлось черкнуть и пары
строк впрок,
Не сложилось пары фраз враз.
Просто я любил тебя как будто
в долг,
И по-прежнему люблю так...»

– ВТОРАЯ СЕРИЯ –
ЭТА ДЕВУШКА ТЕБЕ НЕ ДАСТ

Та самая переносная транзисторная «Атмосфера» (ровесница Гарика), а также другие, появившиеся в Советском Союзе приемники — «VEF-Spidola», «Ласточка», «Сокол», «Мир», «Орбита» — в семидесятых стали главным источником передачи редкой музыкальной информации для советской молодежи, фактически изолированной от открытого мира. Да, были «сыновья дипломатов, министров, юристов и профессоров» с возможностями слушать привезенный родителями из загранпоездок «фирменный винил» и даже на хорошей аппаратуре. Но не о них сейчас речь. Для школьника Игоря Сукачева и тех его ровесников из малогабаритных пятиэтажек, чьи интересы не исчерпывались буднями своего квартала, невидимым проводником в новую реальность оказался праправнук Николая Чернышевского, радиоведущий с актерским образованием Виктор Татарский. Выпускника «Щепки» (театрального училища им. Щепкина) в конце 1960-х занесло на радио, и там он сосредоточился на музыкальных программах. Эхо «оттепельных» лет еще не совсем умолкло в СССР, и радиожурналисты могли себе позволить дозированно выпускать вполне прогрессивные передачи. Татарский сначала вел еженедельную программу «Музыкальный глобус», затем «Запишите на ваши магнитофоны» (и записывали, разумеется!), а в конце 1973-го на «Маяке» появилась его наиболее продвинутая по тем временам официальная советская музыкальная передача «На всех широтах». Само ее название намекало, что одними «Веселыми ребятами» и Софией Ротару плейлист не ограничится. Мягким тембром

Виктор Витальевич представлял композиции, которые знал весь мир, но мало кто слышал в стране большевиков. Стилистический диапазон программы был весьма широк, и почти в каждом выпуске попадались недавние лидеры западных хит-парадов. Например, в первой половине 1974-го «На всех широтах» представила советским радиослушателям Роберту Флэк с популярнейшей в начале 1970-х «Killing Me Softly with His Song», Элтона Джона с «Goodbye Yellow Brick Road» (еще державшейся тогда в топе британских и американских чартов), Пола Маккартни и его «Wings» с темой «Mrs. Vanderbilt» и даже новых триумфаторов «Евровидения» (о котором тогда в СССР и не ведали) — шведскую ABBA с ее победным «Waterloo». Ринго Старр, Джон Леннон, Дон Маклин и другие звезды еженедельно сменяли друг друга у Татарского на «Маяке». Это взорвало сознание четырнадцатилетнего Гарика.

«Меня ведь образовывали в музыкальной школе. Но совсем на других произведениях. И рок-музыка произвела феерическое впечатление — как прилет инопланетян. Она оказала на меня колоссальное влияние. Это то, чего ты прежде не слышал никогда, даже не мог себе представить.

И приобщился я к ней именно через передачу «На всех широтах». Она начиналась по воскресеньям в 14.05. И повторялась в понедельник в 22.35, вслед за «Последними известиями». Шла, кажется, всего минут двадцать. Но это было фантастическое ощущение. Ты лежишь в траве со своим другом Колькой с его приемником ВЭФ и слушаешь «битлов», «Криденс», «Дип

Перпл»... А это ведь Советский Союз. И в музыкальных магазинах ничего такого не продается. Очень странно, что подобная программа вообще выходила. Татарскому там, конечно, приходилось порой произносить всякую лабуду про «прогрессивную группу из Ливерпуля, которая поет о тяжелой судьбе английской рабочих...», но главное, что за этими репликами звучала обалденная музыка! Примерно тогда же мы начали вылавливать сквозь глушилки и «Голос Америки» с музыкальной панорамой от Юрия Осмоловского, пытались что-то оттуда записывать. Я сильно менялся в тот период. Наверное, старался всеми силами выйти из той социальной ячейки, в которой изначально находился. За каких-то пару лет я полностью сменил круг общения. Годом к семнадцати ни в каком своем районе я уже не тусил. У меня появились другие компании — из центра. Я хорошо помню, как расселяли тогда старые дома на Тверских-Ямских, где развернулась большая реконструкция. В одном из них жителей уже не было, а свет и воду еще почему-то не отключили, и там обосновалась хипповская коммуна, где я впервые увидел знаменитого хиппана Солнце...»

Несколько десятилетий спустя Сукачев посвятит этому человеку, которого по паспорту звали Юрий Бураков, и той, быстро угасшей в СССР, движухе «детей цветов» свой последний пока полнометражный фильм «Дом Солнца». Кроме ссылок на различные артефакты, загадки и слухи того периода в этой картине присутствует отголосок юношеской радости Гарика

от сопричастности к эпохе, в которой он был скорее учеником и наблюдателем, нежели полновесным участником процесса. У Сукачева на многие вещи и явления, даже если он являлся их современником, взгляд не столько ретроспективный или ассоциативный, сколько мифотворческий (о чем уже говорилось выше). Он дорисовывает события и действующих лиц под свое представление о том, какими хотел бы их видеть. Одним это кажется наивностью и упрощением. Другим — искренностью и романтизмом. Короче, все его творчество вертится для публики вокруг вечной дилеммы: верю — не верю. И как писал Юрий Левитанский: «Каждый выбирает по себе...»

Вернемся, однако, к перестраивавшимся Тверским-Ямским и вообще к центральной Москве середины 1970-х, где тушинский чувак из железнодорожного техникума, словно вышедший из джунглей Маугли, осваивался в новой для себя реальности.

«Конечно, я был полон комплексов, которые дополнялись моим трудным характером и драчливостью. Кроме того, в столичной тусовке я поначалу чувствовал себя представителем другого класса. Знакомился где-то на стрите с такими же, как сам, молодыми ребятами. Это легко происходило: видел кого-то в тертых джинсах, куртках, с хаерами и понимал — мои люди. А потом мы шли к кому-то из их знакомых на «мажорский» флэт в районе Садового кольца, и там такие мальчики и девочки собирались, которые мне, обитателю пятиэтажки на окраине, казались небожителями. Они разговаривали иначе, чем я и мои район-